

100 лет — дома нет

Вет. Москва. — 1993. — 20 июля

БЕЗЗАЩИТНЫЙ ВЕЛИКАН

ЧТО БЫ ни говорили сегодня о Владимире Владимировиче Маяковском, как бы ни спорили о знаменитом русском поэте, одно мне кажется совершенно бесспорным: Маяковский любил Москву и вообще был очень «московским» человеком. Громадные шаги поэта навсегда впечатались в брусчатку первопрестольной, и стены ее помнят нашего великана, такого яростного и такого беззащитного.

«Москва белокаменная, Москва камнекрасная всегда была мне мила и прекрасна», — признавался Маяковский. «Люблю Кузнецкий, простите грешного, потом Петровку, потом Столешников, по ним в гору раз сто или двести я шагнул из «Известий» и в «Известия». Чувствую, как обжил поэт улицы родного города! А вот это юношеское невозможно забыть: «Меня Москва душила в объятиях кольцом своих бесконечных Садовых».

Да, цитировать тут есть что — до бесконечности — ступеньками строк Маяковского. Об этом можно было бы написать целую книгу. Но остановимся...

И не начнем перечислять и называть московские адреса поэта: их тоже немало, хоть и не все сохранилось в целостности до наших дней. Пока стоит, едва жив, один домик, поспешим к нему. Речь идет, как вы, быть может, догадались, о доме на Таганке, в бывшем Гендриковом переулке, ныне носящем имя поэта. С этим зданием, на котором укреплены и мемориальная доска, и охранная надпись, связаны последние несколько лет жизни Маяковского.

Рабочий кабинет поэта на Лубянке был там, где теперь Государственный музей В. В. Маяковского. В Гендриковом — квартира, здесь поэт жил рядом с друзьями.

В судьбу моего поколения вошел именно этот небольшой дом, потому что в нем когда-то находилась Государственная библиотека-музей В. В. Маяковского.

То был на редкость милый, уютный уголок Москвы. Все, кто приходил сюда, запомнили и скромный сад с прекрасным памятником молодому Маяковскому, и читальню, где можно было получить книги, и очень достоверную, такую домашнюю атмосферу квартиры, в которой Маяковский ощущался не ходячей радиобашней, а близким челове-

ком. Какие вечера здесь устраивались, какие люди выступали! Ведь мы, «шестидесятники», застали еще многих из тех, кто знал и помнил поэта...

Позже, когда создали Государственный музей В. В. Маяковского, библиотеку-музей закрыли. Вы скажете: а почему нельзя было сохранить и любимый москвичами музей на Таганке? Но для ответа на сей вопрос нам пришлось бы ворошить давнюю полемику вокруг имени Л. Ю. и О. М. Бриков — друзей Маяковского, рядом с которыми он жил в Гендриковом. Что же делать, если поэт выбирал друзей, не посоветовавшись с некоторыми позднейшими «маяковедами», и если стихи он посвящал Лиле Юрьевне Брик, не изучив предварительно анкету лирической героини, тем весьма осложнив задачу своих будущих биографов. Когда-то Ахматова заметила, что Пушкину, видимо, следовало жениться на «пушкиноведке», а не на Наталье Николаевне, долгое время вызывавшей недовольство строгих судей сделанным поэтом выбором.

В эти дни, когда так или иначе отмечаем 100-летие со дня рождения поэта, дом на Таганке представляет собой грустное зрелище. Не говорим уже о том, что сад уничтожен, памятник поэту исчез — разительно изменилась вся окружающая среда. Само здание, в котором сейчас пока обитают книголюбцы, нуждается в срочном капитальном ремонте и тщательной реставрации. Дом, в сущности, погибает на глазах. Правда, комнаты, где была мемориальная экспозиция, числятся, как говорят, за Государственным музеем В. В. Маяковского и закрыты. Но от этого не легче. У дома нет единого и заботливого хозяина.

Хорошо, что у нас сегодня есть большой дом поэта на Лубянке. И хочется надеяться, что работающие там и преданные памяти Маяковского люди добьются сохранения и возрождения дорогого москвичам мемориального уголка на Таганке.

Нет сомнения, здесь должен быть открыт филиал Государственного музея В. В. Маяковского. Иначе дом исчезнет, как исчезло многое другое на наших улицах, о чем мы теперь горько сожалеем.

С. ЛЕСНЕВСКИЙ.